

Т.И. Трошина*

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ЭНТУЗИАЗМ КАК ТРИГГЕР
РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТОВ ПО РАЗВИТИЮ
СЕВЕРНЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ**doi:10.31518/2618-9100-2023-6-17
УДК 94(47).081/94(98)+908(470+571)*Выходные данные для цитирования:*
Трошина Т.И. Революционный энтузиазм как триггер реализации проектов по развитию северных регионов России // Исторический курьер. 2023. № 6 (32). С. 226–236. URL: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-6-17.pdf>

T.I. Troshina*

REVOLUTIONARY ENTHUSIASM AS A TRIGGER
FOR THE IMPLEMENTATION OF DEVELOPMENT PROJECTS
IN RUSSIA'S NORTHERN REGIONS**

doi:10.31518/2618-9100-2023-6-17

How to cite:
Troshina T.I. Revolutionary Enthusiasm as a Trigger for the Implementation of Development Projects in Russia's Northern Regions // Historical Courier, 2023, No. 6 (32), pp. 226–236. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-6-17.pdf>]

Abstract. The main theses of the article were formulated in connection with the anniversary events dedicated to the memory of the enthusiast of economic development of the Russian North and Siberia M.K. Sidorov. The comprehension of the difficult path to the practical implementation of his projects for the economic uplift of remote northern territories convinces us that modernization, industrialization, provision of the Far North with a developed transport infrastructure are only possible with maximum state support. In difficult times, the North and Siberia with their valuable natural resources become especially important, and the state is ready to spend large amounts of money to utilize them. At the same time, each of such projects requires many years of scientific and technical development, which, as the study of the process of generation and development of the ideas underlying them shows, was carried out mainly by the creative energy of the people inhabiting the northern territories, and their individual outstanding representatives, who, on their own initiative and often at their own expense, developed these projects. They were initially conceived as having a delayed result, since they concerned remote and sparsely populated regions. In addition, their high cost did not allow for their implementation with private funds; state support was needed. Many of these projects did not receive not only funding, but even permission from the authorities to implement them, being recognized as untimely and unrealistic. However, due to political and economic circumstances, when the northern territories regained vital importance for the country, these projects were given a chance to be realized. This was the case during the years of the Northern War, the Continental Blockade, and the First World War. The Revolution of 1917 created special conditions for the creativity of the masses, including the reanimation of projects created by people like M.K. Sidorov and other entrepreneurs whose initiative was unsolicited in their time. Difficulties of political and economic nature did not allow these projects to be fully realized. Some of them were put into practice during the period of socialist industrialization (in the 1930s), others are waiting for “their time”, and this is the relevance of such historical studies in the field of history of economic ideas. The article is based on a comprehensive analysis of a variety of sources, primarily synchronous publications and archival materials.

* **Татьяна Игоревна Трошина**, доктор исторических наук, профессор, Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова, Архангельск, Россия; Северный государственный медицинский университет, Архангельск, Россия, e-mail: tatr-arh@mail.ru

Tatyana Igorevna Troshina, Doctor of Historical Sciences, Professor, Lomonosov Northern Arctic Federal University, Arkhangelsk, Russia; Northern State Medical University, Arkhangelsk, Russia, e-mail: tatr-arh@mail.ru

** Статья подготовлена в рамках исследования, поддержанного грантом Российского научного фонда (РНФ), проект № 22-18-20061 «Иностранные концессии в Архангельской губернии: региональный опыт внешнеэкономических контактов в условиях изоляции Советской России», <https://rscf.ru/project/22-18-20061/>
The research is supported by the Russian Science Foundation (RSF), project No. 22-18-20061 “Foreign Concessions in the Arkhangelsk Province: Regional Experience of Foreign Economic Contacts under the Isolation of Soviet Russia”, <https://rscf.ru/project/22-18-20061/>

Keywords: northern territories of Russia, specifics of Russian economic modernization, people's initiative, M.K. Sidorov, economic projects for the revival and rise of the North, the Petrov era, socialist industrialization, World War I, the Great Russian Revolution.

The article has been received by the editor on 28.04.2023. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Положенные в основу статьи основные тезисы были сформулированы в связи с юбилейными мероприятиями, посвященными памяти энтузиаста экономического развития Российского Севера и Сибири М.К. Сидорова. Осмысление непростого пути к практической реализации выдвигавшихся им проектов по экономическому подъему отдаленных северных территорий убеждает, что модернизация, индустриализация, обеспечение Крайнего Севера развитой транспортной инфраструктурой возможны лишь при максимальной государственной поддержке. В трудные для страны времена Север и Сибирь с их ценнейшими природными ресурсами приобретают особую важность, и государство готово тратить огромные средства для их использования. При этом каждый из таких проектов требует многолетней научно-технической разработки, которая, как показывает изучение процесса рождения и развития идей, положенных в их основу, осуществлялась преимущественно творческой энергией населяющего северные территории народа, его отдельных выдающихся представителей, которые по собственной инициативе, нередко за собственные средства разрабатывали эти проекты. Они изначально задумывались как дающие отложенный результат, поскольку касались регионов отдаленных и малонаселенных. К тому же их дороговизна не позволяла реализацию на частные средства, необходима была государственная поддержка. Многие из этих проектов не получили не только финансирования, но даже разрешения властей на их воплощение, будучи признанными несвоевременными и нереалистичными. Однако в связи с политическими и экономическими обстоятельствами, когда северные территории вновь приобретали жизненную важность для страны, эти проекты приобретали шанс на осуществление. Так было в годы Северной войны, Континентальной блокады, Первой мировой войны. Революция 1917 г. создала особые условия для творчества масс, включая реанимацию проектов, созданных людьми типа М.К. Сидорова и других предпринимателей, чья инициатива оказалась невостребованной в их время. Сложности политического и экономического характера не позволили реализовать эти проекты в полной мере. Часть из них была претворена в жизнь в период социалистической индустриализации (в 1930-е гг.), другие ждут «своего часа», и в этом актуальность подобных исторических исследований в области истории экономических идей. Статья построена на комплексном анализе разнообразных источников, прежде всего синхронных публикаций и архивных материалов.

Ключевые слова: северные территории России, специфика российской экономической модернизации, народная инициатива, экономические проекты по возрождению и подъему Севера, М.К. Сидоров, Петровская эпоха, социалистическая индустриализация, Первая мировая война, Великая русская революция.

Статья поступила в редакцию 28.04.2023 г.

«...с этих северных заброшенных окраин начнется постройка новой жизни России».
А.А. Жилинский (1918 г.)

Сформулированная в заглавии статьи проблема связана с феноменом «революционного нетерпения», когда возникает общее желание резких перемен во всех областях жизни и при этом сохраняется уверенность в их скором достижении. Десятилетиями сдерживаемая в имперской России по различным причинам «пружина» народной инициативы начала потихоньку распрямляться уже в годы Первой мировой войны, когда инновационные идеи оказались востребованы государством. Революция превратила эти проявления в нетерпеливое требование немедленно реализовать вынашиваемые планы, надежды, устремления.

Собственно, влияние революции, революционного сознания «разбуженных» масс на дальнейшее развитие страны – не только политическое, но и экономическое, рассматривается, пусть и опосредованно, в весьма обширной литературе, приводить которую в рамках небольшой статьи вряд ли имеет смысл. Сошлемся на вышедшие к 100-летним юбилеям Первой мировой войны и Революции 1917 г. энциклопедии, концепция которых акцентирует внимание именно на экономическом аспекте событий¹. В методологическом плане автору наиболее близка коллективная монография под редакцией социолога А.Б. Гофмана и прежде всего написанная им вводная статья².

Неоднократно отмечалось, что специфической характеристикой развития русской цивилизации является ее мобилизационный тип³. Полученный в чрезвычайных исторических обстоятельствах пассионарный толчок обеспечивает более или менее длительное инерционное развитие, которое постепенно затухает, а активные люди, затребованные в эпоху судьбоносных реформ, становятся «лишними». Для самореализации им остаются весьма ограниченные возможности: служение государству (чиновником или офицером) или индивидуальное творчество. Поясним свою мысль на примере периода между двух грандиозных модернизаций – «от Петра I до Сталина». Каждая из них требовала от людей своей эпохи инновационной и самоотверженной деятельности, нередко помимо не только личного желания, но даже физических возможностей, при этом без особого материального поощрения, вплоть до принуждения. Вспомним такую группу зависимого крестьянского населения, как «рудознатцы». Название это с инициативной группы «рудных доносителей» распространилось на крестьян, проживавших на севере европейской части России и в Сибири, обязанных находить руду и «выделывать из нее железо». К концу XVIII в. все чаще фиксируется невыполнение рудознатцами своих обязанностей «за неотысканием ими руды», и «по милостивому 1793 года манифесту»⁴ от повинности их освободили, переписав в дворцовые (удельные) крестьяне.

Активной группой общества продолжало оставаться купечество, поскольку его деятельность, говоря словами нобелевского лауреата по экономике Ф. Хайека, могла основываться «только на специфических индивидуальных, а не коллективных знаниях»⁵. В XVIII в. вологодские купцы имели «разные торговые промыслы внешние и внутренняя, яко то во иностранных местах за морем <...> и для того имели при Архангелогородском порте собственные свои корабли; а также торгуют по Сибири до Китайской границы и на Камчатке <...> плавают по Восточному морю на Алеутские и далее к Америке лежащие острова <...> променивают на Китайские разные товары <...> и рассылают с приказчиками по государственным ярмаркам в России <...>. Притом имеют разные фабрики, заводы и промыслы.

¹ Россия в Первой мировой войне, 1914–1918: энциклопедия в 3 т. М., 2014; Россия в 1917 году: энциклопедия. М., 2017.

² Традиции и инновации в современной России. Социологический анализ взаимодействия и динамики. М., 2008.

³ Миронов Б.Н. Российская модернизация и революция. СПб., 2019.

⁴ Зеленин Д. Архангельская губерния в начале XIX века: Статистическое описание губернии по современной рукописи // Памятная книжка Архангельской губернии на 1907 год. Архангельск, 1907. С. 7.

⁵ Хайек Ф.А. Пагубная самонадеянность [1987]. М., 1992. С. 77.

А другие торгуют внутри России в разных поотдаленных городах <...> отъездом, третьи ж торгуют на Вологде в разных рядах»⁶. Несмотря на такие возможности, русское купечество настолько при этом было придавлено различными «общественными обязанностями»⁷, что состоять в гильдиях становилось все менее престижно, и купеческие дети стремились переходить в другое, желательное «образованное» сословие. Сложность в получении банковских кредитов не позволяла торгово-промышленному классу развивать и расширять свои «дела», что ставило их в портовых городах, таких как Архангельск, в невыгодное положение по сравнению с иностранными конкурентами. По несколько преувеличенному, но все же отражающему реальную действительность свидетельству архангельского журналиста, «с середины XIX века все население Севера приходит в общее банкротство, в общее обеднение от падения заводов и фабрик и разорения всего русского купечества. <...> Русское купечество занималось только приготовлением съестных припасов и оказанием услуг иностранному»⁸.

В складывающихся обстоятельствах купечество не стремилось воспитывать в себе «качеств гражданства»⁹, и вся общественная деятельность его представителей ограничивалась обычно благотворительностью, которой они занимаются в широких масштабах. «Всплеск» социальной активности купечество проявило в годы Первой мировой войны, когда правительство обратилось за помощью к деловым кругам; однако из-за отсутствия политического опыта запоздалая активность «торгово-промышленного класса» к ожидаемым результатам не привела.

Более ранним примером благоприятных условий для экономически активного населения было Петровское время, когда так же встававшие перед страной задачи и вызовы потребовали принятия нестандартных решений. Накапливающиеся у пассионарной части общества идеи при этом получили возможность реализоваться в огромных масштабах. В Беломорье развернулось строительство кораблей, крепостей, каналов, дорог, заводов. Производилось это грандиозное строительство при отсутствии достаточного числа специалистов, в результате чего опыт приобретался нередко дорогой ценой, постепенно подавляя желание проявлять частную инициативу.

Не все идеи Петра и его приближенных были реализованы, однако, сохраняясь не только в архивных документах, но и в памяти людей, при определенных обстоятельствах впоследствии они оказались востребованы. Так, в условиях Северной войны планировалось перекрыть широкую в устье Северную Двину цепями, создав препятствие вражеской эскадре; в годы Первой мировой войны учитель архангельской гимназии напомнил о таком плане обороны Архангельска, и Двина была перекрыта затопленными баржами и пароходами.

Думал Петр Великий и об арктическом военном порте – на Новой Земле. Архипелаг для целей обороны использовался в годы Великой Отечественной войны, а с 1950-х гг. стал полигоном для ядерных испытаний.

«Осударева дорога», соединившая для решения конкретной военной задачи в годы Северной войны Белое море с Балтийским, в последующем подпитывала идеи о строительстве здесь канала, и Беломорско-Балтийский канал действительно был построен в конце 1920-х гг.

Сходство целей, а также форм и методов ускоренной модернизации 1930-х гг. с петровским временем вряд ли требует особого пояснения. Добавим только, что в короткий

⁶ Засецкий А.А. Исторические и топографические известия по древностям о России и частно о городе Вологде и его уезде... М, 1782. С. 57–67 (цит. по: Вологда: историко-краеведческий альманах. Вологда, 1994. Вып. 1. С. 290).

⁷ Латкин В. Наказ города Архангельска в Екатерининскую законодательную комиссию 1767 г. // Юридический вестник. 1886. Т. 23, № 11. С. 419–431

⁸ Козмин К. Былое: Из жизни Архангельского Севера // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1913. № 24. С. 1046.

⁹ Федотов Г.П. Революция идет [1929] // Судьба и грехи России. Избранные статьи по философии русской истории культуры. СПб., 1991. Т. 1. С. 153–154.

подготовительный к началу «социалистической индустриализации» период внимательно изучались проекты инновационного развития страны, и прежде всего ее отдаленных районов, отложенные прежде из-за сомнений в успехе реализации; просматривались архивы с целью обнаружить сведения о возможных месторождениях ценных минералов и других сообщений «с мест», которые бюрократами всех времен клались «под сукно».

Среди причин, почему многие инновационные проекты в «спокойные» времена часто не получали поддержки общества и власти, было и так называемое «ресурсное проклятие» России. Это особенно касается проектов по развитию отдаленных северных регионов России, которые во времена, когда благополучие государства обеспечивалось южными и юго-западными территориями, казались для страны досадным «довеском». В качестве примера приведем всплеск инициатив по поиску новых путей для развития России, который пришелся на пореформенный период – 1860–1870-е гг. Можно предположить, что правительственные канцелярии «захлебывались» от многочисленных проектов, большинство которых чиновники отвергали как нереалистичные или ненужные. Предложения архангельской общественности построить железную дорогу, соединившую бы Центральную Россию с Архангельским портом, поддерживалось и губернатором, и специалистами, которые видели в этом возможность «второго дыхания» для экономически стагнирующего региона. Однако в «правительственных кабинетах» этот проект так и остался без движения¹⁰. В конце XIX в. дорога все же была построена, но из экономии проложена по кратчайшему маршруту, в результате чего многие старые торгово-промышленные территории губернии остались в стороне, обреченные на застой и медленное экономическое умирание. Впрочем, в Первую мировую войну значительно более высокой ценой для нужд обороны дорога была перестроена на широкую колею; приступили к строительству Мурманской дороги (также проект конца 1890-х гг., отложенный в пользу развития балтийских портов).

В качестве другого примера можно привести реакцию имперских властей всех уровней на идеи М.К. Сидорова, который «в 1876 г. хотел сделать на личные средства канал через Турухан <...> Генерал-губернатор Корсаков ответил, что если бы канал был нужен, то построили бы его и без г-на Сидорова. А так как канал совершенно не нужен и проводка его на Севере невозможна, – [Сидорову] отказать»¹¹.

Собственно, время М.К. Сидорова и ряда других его современников, радевших за развитие северных окраин (А.М. Сибирякова, А.В. Журавского, а также десятков краеведов, чиновников, предпринимателей, объединившихся в региональные «общества изучения» своего края), пришлось на спокойный период русской истории, когда можно было приступить к продуманным планам экономического развития страны. Но богатый Юг создавал постоянную конкуренцию Северу, освоение которого было связано с большими затратами и неочевидными отдачами. То немногое, что удалось реализовать для развития Севера, носило в значительной степени случайный характер и не соответствовало ожиданиям населения. Кроме железной дороги к Архангельску, которая позволила поддержать только беломорский порт, можно назвать строительство в 1899 г. гавани в незамерзающей части Баренцева моря (г. Александровск, современный г. Полярный). Однако этот проект потерял всякий смысл, поскольку железную дорогу к нему тогда проводить не стали.

Некоторые из проектов, накапливавшиеся в ожидании возможностей для своей реализации, оказались востребованы во время Первой мировой войны. Тогда пребывавшие в забвении регионы (Европейский Север России, Дальний Восток) оказались в центре бурного строительства для нужд обороны. Были реализованы многие, казавшиеся за несколько лет до этого совершенно невероятными проекты. Прежде всего, в западной части Русской Арктики для организации и защиты торговых путей со странами Антанты и дальнейшей транспортировки военных грузов в центр страны была построена Мурманская железная дорога – в таких условиях, что в мирное время никто бы не решился на реализацию этого

¹⁰ Огородников С.Ф. Очерк истории города Архангельска в торгово-промышленном отношении. СПб., 1890. С. 322–326.

¹¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-3977. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–3.

проекта: из тысячи дорожных верст 52 были проложены по болотам, 100 – пробиты сквозь скалы; было возведено 1100 мостов и дамб – в основном для ускорения строительства деревянных. Слабо развитый накануне войны Архангельский порт был обеспечен новейшим оборудованием, став одним из крупнейших портов мира. На отдаленных островах и необитаемом побережье северных морей были устроены радиостанции, оборудованы военно-морские базы. Между Александровском и Лондоном был проложен подводный телеграфный кабель для обеспечения надежной связи Петрограда с союзниками.

Кроме финансируемых государством проектов оборонного значения, из архивов и из народной памяти извлекались сведения о возможной разработке полезных ископаемых, о наиболее удобных маршрутах проведения новых дорог, строительства каналов. К обсуждению проектов привлекали «сведущих людей» (так называли краеведов и местных предпринимателей); к их мнению, наконец, стали внимательно прислушиваться. Немало помогла этому кампания «по борьбе с германским засилием» (своеобразная программа импортозамещения). Экономически активная общественность торопилась с разработкой проектов и проведением их через государственные органы, пользуясь тем, что центральная власть вынуждена была в создавшихся обстоятельствах прислушиваться к мнениям с мест, и опасаясь погружения Севера «в забвение» после победы в войне, когда потребность в нем опять отпадет.

Неслучайно в юбилейном, памяти М.К. Сидорова издании, вышедшем в 1918 г., были кратко приведены все многочисленные идеи, когда-либо им предлагавшиеся¹². Создалось впечатление, что наступает время для их реализации...

Что касается проекта М.К. Сидорова о строительстве канала через Ямал, к нему тоже чуть было не приступили в 1916 г., когда «были отправлены две изыскательные экспедиции для выяснения вопроса о возможности прорытия канала для речных судов через полуостров и постройки нового порта в Байдарацкой губе. Канал предполагалось прорыть в два года; таким образом, в обход трудно проходимой в ледовом смысле части Карского моря, создавалось удобное водное сообщение между устьем Оби и океаном»¹³. Постройку канала должны были начать в 1917 г., но по известным причинам строительство тогда не состоялось.

В годы Гражданской войны в реализации этого проекта было заинтересовано белое Сибирское правительство, поскольку для получения военной помощи от Антанты насущной стала задача надежного сообщения с Архангельском. В тяжелом 1920 г. о строительстве канала вновь вспомнили: так можно было бы обеспечить более быструю и надежную доставку сибирского хлеба для голодающего населения северных и центральных губерний Европейской России. Совет труда и обороны, опираясь на архивные документы по этому вопросу (начиная с записки М.К. Сидорова), 6 апреля 1921 г. принял декрет «Об организации и задачах Ямальской экспедиции», где указывалось на «неотложную необходимость создания Великого северного пути из Сибири в Европу и в наши северные порты для экспорта леса, хлеба, рыбы, мяса, пушнины, жировых продуктов, богатств недр и поверхности земли», а также «принимая во внимание предстоящую колоссальную колонизацию Сибири и учитывая государственное значение Сибири...»¹⁴. Грандиозный проект по строительству канала страна в тот момент реализовать не могла. Северный морской путь начал эксплуатироваться в 1930-е гг., он был проложен в более высоких широтах, и потребность в канале отпала.

В 1918–1919 гг. были задействованы планы по созданию инфраструктуры и в восточной части европейского сектора Арктики. Несмотря на Гражданскую войну, которая расколола страну и общество на непримиримые части, энтузиасты экономического возрождения Севера продолжали вынашивать планы для мирного времени. Знакомясь с документами

¹² Жилинский А.А. Россия на Севере: К описанию жизни и деятельности М.К. Сидорова. Архангельск, 1918.

¹³ Варнек П.А. Русский Север в первую мировую войну // Морские записки [Нью-Йорк]. 1949. Вып. 7, № 2. С. 36.

¹⁴ Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ). Ф. 19. Оп. 3. Д. 202. Л. 206.

хозяйственных органов земств (на «белой» территории) или губернских и уездных совнархозов, складывается впечатление, что их сотрудники жили понятиями мира, а не войны. Так, Мурманская железная дорога, проходившая частью по советской территории, частью по территории «белой» Северной области, по этой причине не функционировала. Однако, строя в 1919 г. хозяйственные планы на будущий год, Олонецкий губернский совнархоз ставил задачи электрификации дороги (в связи с недостатком топлива), ремонта вагонов и паровозов.

Одновременно, заботясь о будущем развитии северной экономики, о завоевании потерянных во время войны иностранных рынков, возвращались к вопросу о железнодорожном пути, соединяющем страну с востока на запад – «Великом Северном пути», по которому из Сибири будут доставляться экспортные товары к северным портам¹⁵. Этот проект, о котором говорили в предшествующие революции лет двадцать, вновь возбудил общественность северных губерний. Буквально с первых дней после Февральской революции в различные органы власти посыпались предложения по экономическому развитию страны. Некоторые из них имели все шансы быть реализованными. У государства вскоре не стало хватать средств не только на инновационные проекты, но и на поддержание существования населения и государственного механизма. Однако народный энтузиазм оказался разбужен политическими событиями, и выискивались различные способы привлечения средств для реализации «великих планов». Одним из них стало использование иностранного капитала в форме концессий. Для строительства «Великого Северного пути», который бы соединил, по задумке инициаторов, Сибирь с беломорскими портами, предлагалось отдать в концессию огромные массивы леса (на вырубку), получив в качестве компенсации необходимые денежные и материальные средства для строительства и эксплуатации железной дороги.

Послевоенная разлука заставила не только отложить нереализованные проекты, но и забросить многое созданное в период «великого трехлетия» (так назвал время грандиозных государственных строек на Европейском Севере России 1914–1916 гг. П.А. Варнек¹⁶). Разбирались построенные железнодорожные пути (были даже намерения закрыть реализованный такой дорогой ценной проект, как Мурманская железная дорога), закрывались портовые районы; заброшенными оказывались устроенные на отдаленных территориях и на островах Северного Ледовитого океана маяки и телеграфные линии. В 1920-е гг. Север опять использовался только в качестве сырьевого района.

Предложенные для реализации проекта «Великого Северного пути» способы привлечения средств предлагались для других объектов промышленной инфраструктуры северных территорий страны. Чем меньше оставалось собственных возможностей, тем более привлекательные условия предлагались потенциальным инвесторам. В 1920-е гг. в северных губерниях лесные концессии давались иностранцам фактически бесплатно («попённая» плата была не слишком высока, но и от нее концессионеры постоянно пытались избавиться, настаивая на всевозможных «льготах»). Но ставилось условие: модернизировать лесопильные заводы, а главное – построить предприятия по химической переработке древесины. И если лесозаводы концессионерами более или менее были восстановлены и оснащены иностранным оборудованием, то целлюлозно-бумажных фабрик так и не появилось. То же было с рыбопромышленными и зверобойными концессиями: взималась незначительная плата за использование ресурсов в территориальных водах Советского государства, но организовать усовершенствованную техническую базу по переработке добытого на территории России на средства концессионеров не удалось. Пожалуй, концессионная программа имела один «плюс»: был получен негативный опыт работы с иностранными инвесторами. На это еще в 1880-е гг. обращал внимание архангельский чиновник и общественный деятель Г.И. Минейко: «...иностранцы, прибывавшие в Россию, <...> были не бескорыстными служителями и проводниками известной идеи, а искателями счастья, влекомые жадной обогащения»¹⁷.

¹⁵ Каргопольский муниципальный архив. Ф. 75 (30). Оп. 1. Врем. № 2. б/л.

¹⁶ Варнек П.А. Русский Север... С. 19.

Революционное сознание смириться с отношением к России как к колонии не могло, и иностранные концессии подвергались жесткой критике буквально со всех стороны. В процессе этой критики возникали собственные проекты – как обойтись без помощи иностранных инвестиций и технологий.

Не только революционный идеализм, но и огромные экономические трудности послевоенного времени, среди которых наиболее страшной была продовольственная необеспеченность огромных районов страны, подталкивали активную часть советских и партийных работников к стремлению реализовать нередко весьма претенциозные проекты. На Европейском Севере этому способствовали оставшиеся от Первой мировой и Гражданской войн материальные ценности (которые не удалось вывезти из Архангельска в Центральную Россию из-за существенных размеров). Минные тральщики и ледоколы уже на последнем этапе Первой мировой войны, в связи с начавшейся в 1917 г. демобилизацией, были переданы в аренду кооперативам, артелям и отдельным предпринимателям для организации тралового лова рыбы и доставки зверобоев к месту промыслов. Таким образом, произошел резкий скачок в модернизации этих традиционных занятий. Мечты зверобоев не тратить драгоценное время в поисках лежек тюленя оказались реализованными благодаря использованию военной авиации, совершавшей разведку удобных для промысла ледовых полей.

Послереволюционный энтузиазм был направлен буквально на все виды общественной деятельности: крестьянские общества на собраниях принимали решения о строительстве в своем селе электростанции, проведении дорог и т.п.; об открытии почтово-телеграфных станций, проведении телефона, устройстве новых школ, о бесплатном и всеобщем высшем образовании. Такие энтузиасты-фантазеры умели захватить умы крестьян, в среде которых успело накопиться недовольство несправедливостью распределения общественных благ. Впрочем, в основном эти планы предлагалось осуществлять за счет казны. Но денег не было, и идеи оставались нереализованными, что становилось причиной социальных разочарований. Обещание «светлого будущего» воспринималось опытными крестьянами как форма манипуляции для получения нужного решения на волостных сходах. Крестьяне Вельского уезда Вологодской губернии в 1920 г. обсуждали обещания коммунистов, которые «говорили, что мы старое все разрушим и создадим новое, хорошее, светлое. А без капиталистов ничего не смогли сделать <...>. Теперь с ними опять заодно – приглашают их к нам строить фабрики да заводы...»¹⁸.

Наряду с усталостью населения от невыполненных обещаний и ухудшающейся жизни, период революционного энтузиазма породил немало мошенников, которые, как известный герой романа «Золотой теленок» Корейко, стремились воспользоваться хозяйственной анархией и нередко безответственным отношением властей к предложениям многочисленных прожектеров. Кроме откровенно уголовных элементов, впоследствии под жернова начавшихся в конце 1920-х гг. репрессий (первоначально экономических) попали, надо полагать, и романтики, мечтавшие претворить в жизнь нередко фантастические планы, каких немало поступало в различные хозяйственные органы советской власти в период «военного коммунизма», когда средства достаточно легко раздавались под самые разные предложения. Любые сомнения со стороны ответственных лиц воспринимались как «контрреволюционные». По словам автора докладной записки «об использовании и изучении природных богатств», «равнодушие местных властей к судьбе спящих в недрах края естественных богатств, – положительно необъяснимо. Мы не настолько богаты, чтобы игнорировать наличие природных богатств, но и не настолько бедны, чтобы не найти средств для их разработки...»¹⁹.

В этом отношении показательна история «уранового рудника» в Пинежском уезде. В 1920 г. инженер Ф.А. Якшевич убедил губернский Совнархоз в возможности промыш-

¹⁷ Минейко Г.И. Отчет комиссии о присуждении премии за составление истории города Архангельска в торговом-промышленном отношении. Архангельск, 1888. С. 5.

¹⁸ Архив Регионального управления Федеральной службы безопасности по Архангельской области. Д. П-21274. Т. 7. С. 67–68.

¹⁹ Государственный архив Архангельской области (ГААО). Ф. 371. Оп. 1. Д. 406. Л. 2.

ленной разработки урановых и цинковых руд; были получены немалые по тем временам средства, однако анализ образцов из вырытой шахты не показал наличия ценных минералов. Якушевич еще долго боролся за дело, в которое продолжал верить²⁰.

В 1922 г. на заседании Архангельского экономического совещания обсуждался вопрос о порте Индига, первоначальный замысел которого возник еще в середине XIX в., и о канале для соединения будущего порта с р. Печора. Оставив вопрос о канале на будущее, архангельские хозяйственники занялись обсуждением строительства порта. Однако 1922 г. – уже новая эпоха, более рациональная. Члены экономического совещания отнеслись к идее отрицательно: «Есть много более важных задач. Теперь не время заниматься постройкой гигантского индигского порта, когда разваливается все то, что существовало ранее. Довольно жить теми увлечениями, которые были в 1919 г., пора выработать строгую программу» хозяйственного восстановления и развития. В новых обстоятельствах сомнения высказывали даже сторонники проекта: если представитель центра «привезет свои средства, специалистов и рабочих, можно только приветствовать. Но если он привезет только свою энергию и кучу бумажек, то этого мало. Здесь ресурсов нет»²¹. (Кстати, в наше время идея строительства порта Индига вновь реанимировалась²².)

Изучение проектов послереволюционного времени, а также возникающих вокруг них дискуссий дает представление о том, как происходило пространственное развитие экономики североευропейского региона России. На самом востоке Пинежского района Архангельской области сохранились «угольные шахты» – относительно глубокие ямы, где добывали древесный уголь в начале 1920-х гг. в условиях его катастрофического дефицита. Затем решением губернского Совнархоза было решено сосредоточиться на более перспективных угольных месторождениях – в Печорском угольном бассейне, залежи которого были обнаружены Северной научно-промышленной экспедицией (1920 г.), руководившейся рассказами местных «сведущих людей».

Краткий экскурс в «историю экономических идей», из которых лишь немногим суждено было осуществиться в 1930–1970-е гг. в рамках правительственных программ, подтверждает, что подобные проекты имеют шанс быть реализованными исключительно как государственные.

Подытожим: не стоит относиться к предложениям, предлагавшимся энтузиастами развития отдаленных регионов России, лишь как к историческим артефактам. Есть смысл рассматривать судьбу этих идей в различных исторических обстоятельствах, поскольку при определенных условиях они вновь могут актуализироваться.

Литература

Варнек П.А. Русский Север в первую мировую войну // Морские записки [Нью-Йорк]. 1949. Вып. 7, № 2. С. 14–25.

Варнек П.А. Русский Север в первую мировую войну // Морские записки [Нью-Йорк]. 1949. Вып. 8, № 3–4. С. 13–34.

Едемский М.Б. Предварительный отчет о геологических работах на рр. Пинеге, Сотке и Кулое в 1921 году // Труды геологического и минералогического музея им. Петра Великого АН СССР. Т. V, вып. 5. Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1926. С. 130–135.

Жилинский А.А. Россия на Севере (К описанию жизни и деятельности М.К. Сидорова). Архангельск: Издание Комитета по увековечению памяти М.К. Сидорова, 1918. 153, [2] с.

Засецкий А.А. Исторические и топографические известия по древности о России и частно о городе Вологде и его уезде и продолжении оног по известие сие: Из разных печатных и рукописных российских и иностранных книг и из собственных примечаний

²⁰ ГААО. Ф. 4651. Оп. 1. Д. 1–3.

²¹ Там же. Ф. 893. Оп. 1. Д. 48. Л. 135–137.

²² Едемский М.Б. Предварительный отчет о геологических работах на р.р. Пинеге, Сотке и Кулое в 1921 году М.Б. Едемского // Труды геологического и минералогического музея АН СССР. Ленинград, 1926. Т. V, вып. 5. С. 130–135; Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечение национальной безопасности на период до 2035 г.

собранные и сочиненные, Алексеем Александровичем сыном Засецким, 1777 году, а потом от него же с пополнением исправлены по 1781 год. М.: Университетская типография у Н. Новикова, 1782. 87 с.

Зеленин Д. Архангельская губерния в начале XIX века: Статистическое описание губернии по современной рукописи // Памятная книжка Архангельской губернии на 1907 год. Архангельск, 1907. С. 1–9.

Кир Козмин. Былое: Из жизни Архангельского Севера // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1913. № 24. С. 1044–1054.

Латкин В. Наказ города Архангельска в Екатерининскую законодательную комиссию 1767 г. // Юридический вестник. 1886. Т. 23, № 11. С. 419–431.

Минейко Г.И. Отчет комиссии о присуждении премии за составление истории города Архангельска в торгово-промышленном отношении. Архангельск: Губ. типография, 1888. 25 с.

Мионов Б.Н. Российская модернизация и революция. СПб.: Дмитрий Буланин, 2019. 528 с.

Огородников С.Ф. Очерк истории города Архангельска в торгово-промышленном отношении. СПб.: Типография Морского министерства, 1890. 333 с.

Россия в 1917 году: энциклопедия / отв. ред. А.К. Сорокин. М.: РОССПЭН, 2017. 1093 с.

Россия в Первой мировой войне, 1914–1918: энциклопедия в 3 т. / отв. ред. А.К. Сорокин. М.: РОССПЭН, 2014. Т. 1. 823 с.

Россия в Первой мировой войне, 1914–1918: энциклопедия в 3 т. / отв. ред. А.К. Сорокин. М.: РОССПЭН, 2014. Т. 2. 904 с.

Россия в Первой мировой войне, 1914–1918: энциклопедия в 3 т. / отв. ред. А.К. Сорокин. М.: РОССПЭН, 2014. Т. 3. 744 с.

Традиции и инновации в современной России. Социологический анализ взаимодействия и динамики / под ред. А.Б. Гофмана. М.: РОССПЭН, 2008. 543 с.

Федотов Г.П. Революция идет [1929] // Судьба и грехи России. Избранные статьи по философии русской истории культуры. СПб.: София, 1991. Т. 1. С. 126–172.

Хайек Ф.А. Пагубная самонадеянность [1987]. М.: Новости, 1992. 304 с.

References

Fedotov, G.P. (1991). *Revolyutsiya idet [1929] [The Revolution is Coming [1929]]*. In *Sudba i grekhi Rossii. Izbrannye stat'i po filosofii russkoy istorii kultury*. St. Petersburg, Sofiya. Vol. 1, pp. 126–172.

Gofman, A.B. (Ed.). (2008). *Traditsii i innovatsii v sovremennoy Rossii. Sotsiologicheskii analiz vzaimodeystviya i dinamiki* [Traditions and Innovations in Modern Russia. Sociological Analysis of Interaction and Dynamics]. Moscow, ROSSPEN. 543 p.

Hayek, F.A. (1992). *Pagubnaya samonadeyannost' [1987] [The Fatal Conceit [1987]]*. Moscow, Novosti. 304 p.

Kozmin, Kir (1913). *Byloe: Iz zhizni Arkhangel'skogo Severa* [The Past: From the Life of the Arkhangelsk North]. In *Izvestiya Arkhangel'skogo obshchestva izucheniya Russkogo Severa*. No. 24, pp. 1044–1054.

Latkin, V. (1886). *Nakaz goroda Arkhangel'ska v Ekaterininskuyu zakonodatel'nyuyu komissiyu 1767 g.* [Address of the City of Arkhangelsk to the Catherine Legislative Commission in 1767]. In *Yuridicheskiy vestnik*. Vol. 23, No. 11, pp. 419–431.

Mineiko, G.I. (1888). *Otchet komissii o prisuzhdenii premii za sostavlenie istorii goroda Arkhangel'ska v torgovo-promyshlennom otnoshenii* [Report of the Commission on Awarding the Prize for Compiling the History of the City of Arkhangelsk in Trade and Industry]. Arkhangelsk, Gub. tipografiya. 25 p.

Mironov, B.N. (2019). *Rossiyskaya modernizatsiya i revolutsiya* [Russian Modernization and Revolution]. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin. 528 p.

Ogorodnikov, S.F. (1890). *Ocherk istorii goroda Arkhangel'ska v trgovno-promyshlennom otnoshenii* [Sketch of the History of the City of Arkhangelsk in Trade and Industry]. St. Petersburg, Tipografiya Morskogo ministerstva. 333 p.

Sorokin, A.K. (Ed.). (2014). *Rossiya v Pervoy mirovoy voyne, 1914–1918: entsyclopediya v 3 t.* [Russia in the First World War, 1914–1918: encyclopedia in 3 vol.]. Moscow, ROSSPEN. Vol. 1. 823 p.

Sorokin, A.K. (Ed.). (2014). *Rossiya v Pervoy mirovoy voyne, 1914–1918: entsyclopediya v 3 t.* [Russia in the First World War, 1914–1918: encyclopedia in 3 vol.]. Moscow, ROSSPEN. Vol. 2. 904 p.

Sorokin, A.K. (Ed.). (2014). *Rossiya v Pervoy mirovoy voyne, 1914–1918: entsyclopediya v 3 t.* [Russia in the First World War, 1914–1918: encyclopedia in 3 vol.]. Moscow, ROSSPEN. Vol. 3. 744 p.

Sorokin, A.K. (Ed.). (2017). *Rossiya v 1917 godu: entsyclopediya* [Russia in 1917: encyclopedia]. Moscow, ROSSPEN. 1093 p.

Varnek, P.A. (1949). Russkiy Sever v pervuyu mirovuyu voynu [Russian North in the First World War]. In *Morskie zapiski*. Iss. 7, No. 2, pp. 14–25.

Varnek, P.A. (1949). Russkiy Sever v pervuyu mirovuyu voynu [Russian North in the First World War]. In *Morskie zapiski*. Iss. 8, No. 3–4, pp. 13–34.

Yedemsky, M.B. (1926). Predvaritel'nyy otchet o geologicheskikh rabotakh na rr. Pinege, Sotke i Kuloe v 1921 godu [Preliminary Report on Geological Works on the Rivers Pinega, Sotka and Kuloy in 1921]. In *Trudy geologicheskogo i mineralogicheskogo muzeya im. Petra Velikogo AN SSSR*. Leningrad. Vol. 5, Iss. 5, pp. 130–135.

Zasetsky, A.A. (1782). *Istoricheskie i topograficheskie izvestiya po drevnostyam o Rossii i chastno o gorode Vologde i ego uезде* [Historical and Topographical News on Antiquities about Russia and Privately about the City of Vologda and Its Uyezd]. Moscow, Universitetskaya tipografiya u N. Novikova. 87 p.

Zelenin, D. (1907). Arkhangel'skaya guberniya v nachale XIX veka: Statisticheskoe opisanie gubernii po sovremennoy rukopisi [Arkhangelsk Province at the Beginning of the 19th Century: Statistical Description of the Province According to a Modern Manuscript]. In *Pamyatnaya knizhka Arkhangel'skoy gubernii na 1907 god*. Arkhangelsk, pp. 1–9.

Zhilinskiy, A.A. (1918). *Rossiya na Severe (K opisaniyu zhizni i deyatel'nosti M.K. Sidorova)* [Russia in the North (To the Description of the Life and Work of M.K. Sidorov)]. Arkhangelsk, Izdanie Komiteta po uvekovecheniyu pamyati M.K. Sidorova. 153, [2] p.